

18+

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА

ПЯТЫЙ УРОВЕНЬ

Елена Григорьева

Пятый уровень

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Григорьева Е.

Пятый уровень / Е. Григорьева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Ты молод и неплохо обеспечен, но не выносишь офисные будни? Тогда зафренди пару незнакомцев. И встречу им назначь в опасной зоне. Свидание вслепую, да не где-то, а во дворе закрытого завода! Влезь на спор в его выбитые окна. Пройдись по захламлённым коридорам, где каждый гвоздик так и норовит через подошву впиться тебе в ногу. Глянь в щели опечатанных дверей. А если, обернувшись, натолкнёшься на толпы обезумевших бомжей? Слабо удрать? Завод стал хищным лабиринтом. Ступени впереди ведут во тьму. Записка рядом в стиле: «Ну, не трус! Не этого ли ты хотел?» Тогда не плачь. И не пытайся оживить мобильник. Ты принял правила такой игры. Ещё не понял? Всё теперь взаправду. Ты бросил кости, и тебе по ним идти. Вперёд! Не тормози. Не оступись. Ведь на кону не приз, а твоя жизнь.

Содержание

Часть первая. Апрельское небо, эйфория	5
Часть вторая. Борец	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Григорьева

Пятый уровень

Часть первая. Апрельское небо, эйфория

Неприветливое весеннее утро: резкие порывы ветра в лицо, холодный проблеск солнца между свинцовыми тучами – в общем, всё по канону. Я шагаю по мощённому тротуару, в голове плещутся мысли.

«Надо же было согласиться на свидание по знакомству в соцсетях! В новый никчёмный выходной, да ещё и в первой половине дня!.. Так, сейчас поворот за угол, и вот оно – оговорённое место для измен. В смысле, это у кого-то оно, видно, для измен: выбрали самую старую улицу, далеко от оживлённой части города. Тут даже нет никаких развлекательных заведений! Куда идти-то потом? Не местные они что ли? Или наоборот – надоели обыденные места?..»

«Ага, вот я и тут. Пока никого. Ждём... Парень, вроде, будет в синем пуховике. (Ну конечно, в каком же ещё? Скукота). А дамы сказали, мы, видите ли, не ошибёмся. Интересно, что ж там такое? Неужто что-то фантастическое? Вообще, есть же телефон... Да авы-то, может, фейк...»

«Но вот движется кто-то, пора тушить... Ко мне, пуховик!»

– Ильнур.

– Алексей.

Поручкались.

– Долго ждёшь? А то я недавно приехал. Искал.

– Да нет, норм.

«Нда, и правда приезжий. А вокруг-то отнюдь не людно... Эх, знали они, где свидания назначать!»

«О, на горизонте появилась одна... крашенная. В облегающей шубке, в вычурных ботфортах и, конечно, без шапки. А фигурка-то ничего! Макияж... И причёска... Ого!»

Девушка окинула нас высокомерным взглядом и, слегка кивнув Ильнуру, почему-то сразу пошла ко мне, привстав на цыпочки для показушного поцелуя.

– Привет! Я Ольга!

Я наклонился, чтобы чмокнуть её в щеку, а она вдруг повернулась и прижалась прямо к моим губам. Не ожидал. Но и отстраняться не стал – ответил на поцелуй, и не закрыл глаза, даже когда почувствовал на губах острый кончик языка. Это дало возможность получше приглядеться.

Горы туши, тоналки, румян, из-под которых проступает паутинка морщин.

«Эх, а подарочек то б/у! Можно было догадаться... Хотя... Так-то всё при ней. Что ж... Посмотрим на вторую. Но куда уж... Эта-то сразу с выбором определилась...»

Повисла неловкая пауза, и я с улыбкой представился. Ольга тоже заулыбалась, взяла меня за руку, и я с каким-то неприятным чувством отметил высокое качество кожи её перчаток. А Ольга повернулась к покашливавшему сбоку Ильнуру.

– Ну, ждём Марию?

Парень заулыбался, глупо закивал и стал оглядываться по сторонам. Да и я в любопытстве завертел головой.

И девушка появилась. Молоденькая брюнетка с очень милыми чертами лица и хрупкой фигуркой, завернутой в совсем тоненькое пальто. Объёмный вязаный шарф красиво обнимал её плечи, а чудесные длинные ножки вышагивали в высоких сапогах. И я горько пожалел, что она пришла позже всех. Хоть потом и засомневался: «А ей есть восемнадцать?..»

Мы брели по брусчатке забытого всеми проулка. Не зная, чем заняться, болтая ни о чем, придумывая дальнейший план действий. Ольга висла у меня на руке, вызывая двойственное чувство. С одной стороны, вроде бы гордость. Мол, я – самец, ни сколько не напрягаясь, при помощи одного лишь своего вида подцепил этакую ухоженную, нарядную, пахнущую дорогим парфюмом даму. А с другой – осознание нелепости и пошлости всей этой затеи, ведущей неизвестно куда и вызывающей теперь лишь отвращение.

Мария грациозно вышагивала рядом с Ильнуром, иногда вдруг подпрыгивая и подбегая к газону, чтобы поддеть носком сапожка свалившийся с него ком снега. А я в очередной раз мысленно ругал судьбу, восхищаясь девичьей непосредственностью и поспешно отводя взгляд, чтобы не спалиться перед «своей» дамой.

Неплохо было гулять по раскисшим улицам. Особенно это нравилось мне, уже давно позабывшему, что значит в ясную погоду просто пройтись пешком. И всё равно по инерции я старался перенести свидание в более привычную обстановку. Однако вперёд с предложениями не лез – не хотел выдавать своих искоушенных привычек.

«Кто знает, куда сейчас ходит молодёжь? Ещё обалдеют от моего любимого ресторана! Да и зачем это, если с одной престарелой птицей и так всё ясно, а новая счастливая звезда не думает обжечь мне руку? К тому же, разве я шёл сюда как раз не потому, что отчаянно желал сменить обстановку?..»

«Но я не буду переживать и чувствовать вину, если уступлю лидерство кому-то другому, а он возьмёт, и спустит всё на тормозах, оставив спутников без развлечений. Хотя... Вон они и без меня уже вспомнили уйму забавных мест: кинотеатры, кафе, бары и даже роллердром на крыше нового ЦУМа (о котором я, признаться, слышал впервые)».

Бары я поспешно отмёл из-за сомнений в возрасте одной милой барышни (ох, и что она забыла в нашей прожжённой компании?), а всё остальное как-то вдруг отпало само, но и не без помощи другой дамы. В итоге, сколько бы не старались, к консенсусу мы так и не пришли. Зато пришли к окраине жилой зоны.

Судя по нумерации домов – чуть ли не объектов культурного достояния – улица здесь не заканчивалась, а наоборот начиналась. Мы остановились в паре шагов от места, где проулок вдруг круто поворачивал и нырял куда-то вниз, теряясь между голыми деревьями и старыми, ветхими заборами.

– ...Ну как же так, ну почему вы не хотите? – завозмущалась Мария, повернувшись ко мне и заставив моё сердце подпрыгнуть.

Она картинно вздыхала, возводя глаза к небу и мило надувая губки.

– Всё равно ничего лучше не придумали! Так почему бы нам не сделать что-то необычное?.. Не то, что делаем каждый день!

– Отчего ж это «не хотим»? – сконфуженно ответил я, уже проклиная собственную жажду необычного. – Просто это действительно не самое подходящее место для прогулок... Тем более, для весенних...

– А что, – вдруг сказала Ольга, добавив в голос хрипотцы с изяществом старой обезьяны, – по-моему, неплохая идея. Возможно, это станет интересным приключением для всех нас.

«Ну-ну, знаем мы ваши приключения, – злорадно подумал я. – Да у тебя на лице всё написано, осталось только ценник приклеить! Есть среди вас хоть кто-то здравомыслящий? Ну, хоть ты-то, Ильнур! Ох, Мария... И как же некстати твоя юная непосредственность!»

Дорога ахнула вниз, свернув за косенький дом и уткнувшись в корявый забор. Выщербленный тротуар чуждым образом превратился в страшную грязь с втоптаным в неё гравием. А в сторону от дороги уходило что-то совсем уж невообразимое – крутой глинистый спуск, покрытый островками снега вперемешку с комьями земли. Среди них торчало бесцветное про-

шлогоднее сухое быльё. По бокам этот дикий тракт густо окружали крыши домов. Деревянные и жестяные, крашенные и ободранные, плотно сгрудившиеся и наклепанные прямо друг на друга, а в редкие зазоры между ними пролезали голые кроны, похожие на пучки жёсткой шерсти, торчащей из складок кожи некоего больного животного. И там, за всей этой заброшенной пасторальной фантазмагорией, далеко внизу виднелось пятно пустыря с полустаявшими сугробами, забранное в двойное кольцо жёлто-серых столбов. Меж столбами угадывались нити порывшей колючей проволоки. А в центре пустыря было длинное, угрюмое серое здание: с мрачными бетонными стенами, с потёками влаги из-под ржавой крыши и с пустыми окнами, зиявшими промозглой темнотой.

– Нет, ребят! – принялся настаивать я. – Давайте всё-таки примем правильное решение! Сейчас вызовем такси, доедем с комфортом и... Я тут одно место знаю... Думаю, всем понравится!

В поисках поддержки я взглянул на Ильнура, но тот лишь неуверенно пожал плечами, глуповато лыбясь. «А странный он, этот тихушник. По-моему, с момента встречи ни разу больше рта не раскрыл. Какой-то контуженный... Или он что-то задумал?! Эх... А вроде приличные люди...»

И я понял: деваться некуда. Не хотелось давить авторитетом и раскрывать карты. Ещё обидятся, сочтут снобом. Или наоборот – обрадуются и попробуют сесть на шею. Здравомыслием же, как я думал, здесь уже не возьмёшь. Компания собралась очень странная, да и немислимо было тягаться с улыбкой Марии.

«Что ж, придётся идти... Может, залезут в грязь, попортят обувь, и боевой настрой сам исчезнет? Жаль только, вместе с настроением... И тогда всё, конец. Потерянное время, нервы – впустую. Никакого морального удовлетворения. Только зуд неисчерпанного любопытства: «А что было бы?..» Хотя нет! Это другом месте и в другое время: «А что было бы?» Здесь и сейчас думать нечего – всё к лучшему!»

Поначалу спуск показался на удивление лёгким. Угол наклона был не настолько крутым, как это выглядело сверху, и только раз тропинка резко бросилась под откос, так что пришлось подавать дамам руку, осторожно двигаясь задом-наперёд, чтобы в случае чего послужить упором (или амортизатором). Но вскоре мы наткнулись на место обвала.

К счастью, почву крепко сковало ночным морозцем, и комковатый гребень обрыва с покатым спуском под ним были вполне проходимыми (и даже гигиеничными). Я хотел, улучив момент, подхватить за талию хрупкое тельце Марии, но она мне этого не позволила, с лёгкостью спорхнув с земляного гребня и лишь на мгновение опёршись на протянутые руки Ильнура (гада). Так что пришлось проделать это па с собственной дамой, подняв её над обрывом и с разворота поставив вниз. В благодарность за это меня одарили улыбкой акулы.

Дальше дорога стала уже вполне нормальной, а поблёскивавшие впереди островки, издали казавшиеся жидкой грязью, были прихвачены льдом. Так что всё обошлось без потерь – даже обувь осталась целой. Теперь мы стояли у проволочного ограждения, растянутого между старыми столбами, которые сверху оканчивались штырями отогнутой наружу арматуры. На штырях, конечно же, тоже была колючка, а видимость преграды на нашем пути создавали покосившиеся, ржавые решётчатые ворота с весёлыми четвертинками солнышек, железные лучи от которых разбегались к боковым перекладинам.

Справа от ворот проржавевшим кособоким ромбом висела металлическая табличка, однако прочесть её было невозможно. Проволока, когда-то державшая табличку за края, сохранилась лишь с одного угла, и железный лист перегнулся, повиснув наружу изнаночной стороной. Под любопытными взглядами девушек Ильнур подошёл к воротам и ухитрился поднять указатель за нижний край, повернув его другой стороной. Но результат оказался почти нулевым: на табличке сохранились одни лишь призрачные разводы на грязно-белом фоне, подёр-

нутом кракелюром, который разбежался от пятен проросшей сквозь эмаль ржавчины. Только в самом начале, в левом верхнем левом углу сохранилась бледная тень какой-то перекладины, но она могла принадлежать почти любой букве алфавита.

– Дела давно минувших дней... – беззвучно присвистнул я, приподняв брови и вызвав цепную реакцию смеха. – Ну что, поиграем в отважных археологов, Или, может, оставим всё как есть и благополучно вернёмся в привычный нам уютный мир?

– Всё-таки интересно, что это... – удивив всех, вдруг протянул Ильнур.

– Да! Мы столько сюда добирались, неужто пойдём назад?! – досадливо воскликнула Мария, и я вновь почувствовал, что сопротивление бесполезно.

– Странное какое-то здание, – вмешалась Ольга. – Не то ангар... Но больно уж капитальный. Не то школа... Но зачем тогда колючка? Нет, на школу не тянет. Слишком уж грубо. А может... какая-то резервация? Для одарённых этими, как их... суперспособностями!

Все захихикали, а Мария и вовсе громко прыснула со смеху, мило спрятав лицо в воздушных складках шарфа.

– Вряд ли, – сказал я без улыбки. – Да и о пустующих больницах я никогда не слышал. – (Снова волна смешков.) – Архитектура какая-то странная: никаких хозяйственных корпусов, пристроек... Просто большой длинный дом, как...

– Коровник, – брезгливо вставила Ольга.

– Нет, для коровника великоват, – парировал я.

– Слоновник! – весело ввернула Мария, и её поддержал дружный хохот.

Не устоял и я:

– Маловат...

– Индийские слоны достигают роста не более трёх метров и не превышают массы пяти тонн, – менторским голосом вдруг изрекла Мария.

«О-ох... Если ты хотела впечатлить здесь кого-то из скептически настроенной публики, то попала в самую точку... – подумал я со скрипом зубным. – Но здание-то и правда странное: хоть явно заброшенное, с дырами выбитых окон и потёками влаги, но вокруг – ни следа того хаоса, который всегда образуется в покинутых человеком местах. За первым кольцом ограждений всё вполне обычно: стебли сухой травы, вынесшие тяжесть снега и пронзившие сугробы насквозь, голый кустарник, мелкие горки мусора, бой кирпича и стекла... Но вот странно: ничего такого и в помине нет за вторым кольцом колючки: ни буйных зарослей, ни сухой травы, ни раскученных оконных рам. Хотя к стенам здания привалились куски выбитых стёкол, но поле вокруг сплошь чернеет твёрдой вытопанной землёй, будто бы даже раскатанной колеями от колёс и подёрнутой свежей наледью».

– Может, ну его нафиг?! Вдруг это военный полигон? – шутя выдал я.

– Да ну что вы, какой полигон?! – запротестовала Мария. – Я не слышала о таком. Ну какой полигон у нас в городе?

– А мы, по-вашему, всё ещё в нём? – в тон ей поинтересовался я.

– Ну конечно в нём! – не на шутку обиделась Мария. – И пяти километров не прошли...

– Да? А ты думаешь, мирному горожанину известна точная конфигурация его границ? – зачем-то подстегнул её я, сам удивляясь этому бреду, но не в силах остановиться.

– Тем более пошли! – весело бросила она, сорвавшись с места и с силой толкнув створку ворот, едва державшихся на петлях.

Во второй линии ограждений тоже были ворота, но размером поменьше. И сам забор был попроще: немногим выше моего роста, и не с бетонными столбами в качестве опор, а с толстыми железными трубами, не знавшими иной краски, кроме оттенков окисления. И колючка здесь оказалась только поверху, а между опорами была растянута сетка рабица. Но, видимо, тут когда-то и был основной КПП: у ворот стояла прогнившая деревянная будка с вывалившимся

окном. Мы по очереди просунули головы в прямоугольник проёма, где раньше была рама, валявшаяся теперь под ногами чёрным ромбом. Внутри не нашлось ничего интересного: ни стула дежурного, ни погнутой алюминиевой кружки или осколков фарфоровой чашки с коричневым чайным налётом. Только доски внутренней обшивки, вымытые дождем до пепельного оттенка, источавшие запах сырости с какой-то химической примесью. Местами они лоснились разводами олифы с бахромой кристаллического налёта по краю. Настил на полу расселся, открыв широкие щели, пропускавшие аромат чернозёма.

Странно, но вход в само здание был не напротив ворот. Нет, строение стояло к нам боком, и, кажется, всё же за первым корпусом было что-то ещё. Я прошёл влево метров пятнадцать, до ближайшего угла здания, и бросил первый взгляд на тяжёлые металлические ворота, занимавшие весь его торец. Похоже, они были заперты встроенным замком, ведь снаружи не было видно ни цепей, ни засовов.

«Точно ангар. Старая пожарная станция? Нет... Так неудобно расположен выезд... Машинам бы пришлось петлять. И без каланчи... Какой-то завод? Казарма? Возможно. Дальше жилые корпуса, а здесь гаражи...»

Мои размышления вдруг прервал звонкий щебет Марии, рассуждавшей, как можно пробраться внутрь здания. Но её опередил Ильнур. Он выудил из ближайшей горы хлама на удивление прочный деревянный ящик: без крышки, зелёного цвета, с неразборчивой маркировкой на днище.

«Неужто от боеприпасов?» – мелькнула в голове сумасшедшая мысль.

Но теперь-то уж точно назад поворачивать было поздно, и мы направились к самому первому окну, свободному от зубастых осколков. Оно как раз находилось с краю, за углом от ворот. Я успел-таки подсуетиться – выхватить ящик у Ильнура из рук. Прислонив его к стене и мельком проверив на устойчивость, я украдкой взглянул на Марию и нарочито лихо, помолодецки вскочил в оконный проём.

Ёлки! Если б я не замешкался на подоконнике, а слетел вниз не глядя, то костей бы потом не собрал! Под окном были свалены доски и обломки какого-то бруса, утыканного гвоздями. И это была не просто куча хлама. Верхние доски стояли под углом и упирались одним концом под подоконник, а другим были воткнуты в щели основной груды.

«Ну прямо полоса препятствий для незваных гостей! Так... Становится всё небезопаснее».

Благоразумный человек, которым я привык себя считать, точно бы на всё плюнул. Ну где это видано, чтобы нормальный взрослый мужик лез в какой-то притон, не остановившись даже перед явной просьбой уйти? Но что-то на меня нашло. Не хотелось показаться трусом. Поэтому я наклонился, присел на корточки, старательно придержался за срез окна и спустил вниз одну ногу, пытаясь сдвинуть заграждение вбок. Мне это удалось, и часть досок аккуратно съехала в сторону, сложившись почти идеально ровным веером слева от основной кучи. Но под ногами осталась ещё одна груда досок, лежащих параллельно проёму, образуя под ним что-то вроде колючей поленницы дров.

Не желая сдаваться, я выбрал взглядом место, вроде бы посвободнее от гвоздей, бегло прикинул, насколько оно надёжно, и как долго сюда будет ехать скорая, а потом перенёс весь свой вес на опущенную ногу.

Что-то хрустнуло, и доска подо мной ушла вниз, подняв на дыбы остальные. В последний миг перед неминуемым падением я успел-таки, как танцор, провернуться на одной ноге, выбросил вбок вторую и ухитрился перепрыгнуть через доски. И только потом очень медленно завалился на бок.

Ударился я не сильно, а тёплая кожаная куртка смягчила падение, приняв на себя и немало царапин от острых гвоздей. Я тут же вскочил на ноги и, предвосхищая тревожные

вопросы, крикнул: «Всё в порядке! Тут просто доски упали!» – надеясь, что никто не заметит в моём голосе дрожь. А затем слегка отряхнулся и начал осматриваться.

Да ничего особенного: пустая кирпичная коробка метров пять на шесть. То есть вообще ничего: ни обоев, свисающих со стен перекрученными лоскутами, ни облупленной краски, ни гнилой мебели с продранной тканью обивки, ни настила на полу. Голый бетон, весь какой-то выщербленный и усыпанный галькой.

«Похоже, всё-таки это техническое сооружение...»

А напротив окна, впереди – прямоугольный выход без намёка на дверь, и за ним —полу-мрак.

Я подумал, надо бы всё проверить получше, оглядеться, прежде чем звать остальных. Но эту мысль победил другой инстинкт.

«Отвага и самопожертвование – это, конечно, круто, да и я теперь точно не трус, но всё-таки не хотелось бы глупо огрести от какого-нибудь местного бомжа».

Но я всё-таки пересёк комнату и глянул в проём, быстро крутанув головой вправо-влево. За проёмом не оказалось ожидаемого коридора. Вместо этого – большой холл, с одной стороны перекрытый фигурной железной решёткой. За решёткой была очередная, на этот раз застеклённая будка. Сквозь решётку тремя тускло-синими фосфорическими прямоугольниками лился далёкий свет, от чего всё вокруг обретало ещё более загадочный вид. А с другой стороны холл оканчивался знакомыми стальными воротами.

Любопытство всё же взяло верх, и я, задавив в себе упрёк: «Да что я творю?!», шустро шмыгнул вперёд.

Навесной замок на решётке был свёрнут, и я подошёл к будке охраны. Дверь была разворочена. Верхняя её часть почему-то отсутствовала, и алюминиевый профиль весь скрутился в месте разлома. Уцелевшая нижняя часть широко распахнулась, криво свисая с погнутого шарнира. Из профиля торчали осколки стекла. Под ногами их тоже было полно вперемешку с крошечком драной фанеры. Посреди будки валялся какой-то хлам, прикрытый грязной газетой.

«Да уж, уютная обстановка...»

Пройдя мимо, я заглянул в центральный коридор.

Далеко-далеко, в самом его конце сиял холодный отблеск дня, и вроде бы виднелась тёмная полоска земли, голубое небо над ней и серые кроны деревьев.

«Сквозной выход! Ну вот и чудно! Будет повод тут не задерживаться... Но зачем же тогда ворота? Не видно никаких боксов для техники... И всё нараспашку. Хватило бы и обычной двери! Хотя... Вестибюль-то огромен. Возможно, сюда заезжали по пропускам, выгружали какое-то оборудование, материалы, секретные документы... Кхм... Ну это уж меня понесло».

Я прошёлся взад-вперёд, всматриваясь в боковые проходы. Та же картина. Правда, добавились мелкие пятнышки света по бокам – открытые двери комнат. А вокруг – абсолютная тишина. Ни намёка на чьё-то присутствие: скажем, шарканья ног или приглушённого дыхания.

«Что ж, придётся звать остальных! Ничего, пройдем здание насквозь и вернёмся на улицу через дальний выход. И тут-то уж в кафе! Ну а впрочем... Бог с ним. В бар!»

С этой безмолвной тирадой я поплёлся обратно в комнату.

Вернувшись туда, первым делом я попробовал отпихнуть от окна опасную кучу досок, и вскоре мне удалось немного расчистить пол. Беззвучно крикнув, я бодро запрыгнул в проём, где был сразу встречен с расспросами.

– Ну, есть кто живой? – вальяжно протянула Ольга.

– А неживой? – весело (и, пожалуй, напрасно) Мария.

Я мотнул головой:

– Всё в порядке, залезайте!

Словно без умысла, из чисто альтруистских побуждений я подал руку Ильнуру, обхватил его ладонь в байкерском рукопожатии и поспешно втянул парня внутрь. И сразу же проворно спрыгнул вниз, скривив лицо в крайне услужливой мине – предложив помощь сначала Ольге.

Благополучно отправив свою даму в окно, где её принял довольно ловкий Ильнур, я наконец-то осуществил столь желанное: поднял Марию на руки и, проигнорировав суетливый взгляд Ильнура, шагнул прямо с нею сначала на деревянный ящик, а потом и на срез окна. Так мы все четверо оказались внутри, и наше маленькое приключение началось.

– Это секретный исследовательский институт! Потому и колючка... и ворота стальные... – возбуждённо тараторила девушка. – Когда началась война, фабрики эвакуировали на периферию!

«Умница, – думал я. – Поменьше детских фантазий, и всё будет просто шикарно!»

– Да? А наш город – периферия? – грубовато буркнула Ольга.

– Тогда определёнno был, – вклинился в разговор я, пытаюсь не допустить ссоры. – А что думает «сильная половина человечества»? М-м-м, Ильнур?

– Временный цех. Для производства военных товаров.

– Хм... Очень может быть! – присвистнул я, а дамы оживлённо на него глянули.

– А где оборудование, станки? – нахмурилась неугомонная Мария.

– Ну как где? Вывезли, продали, расплавили...

Полушуточная чехарда слов отражалась от стен глухим эхом и рассыпалась по зданию. Мы брели по центральному коридору, подсвеченному неверным отблеском далёкой улицы, толкая запертые двери, вглядываясь в щели заколоченных проёмов, припадая к замочным скважинам, если таковые имелись, но не находя за ними ничего, кроме поглотившей всё черноты. Ильнур и Мария пытались светить туда фонариками телефонов, но их лучи не выхватывали из тьмы ничего кроме голых стен да пыльного бетонного пола. Однажды свет упал на какой-то одинокий шкаф, но его полки были обрушены вниз и пусты. Но даже если бы они ломались от секретной документации, то я всё равно бы не позволил спутникам безобразничать – ломать двери, чтобы туда пролезть.

Впрочем, это развлечение как-то слишком уж быстро всем надоело, и раздосадованная Мария топнула ножкой, остановившись посреди длинного коридора.

– Ну вот, – протянула она. – Ничего интересного... А я думала, мы тут что-то найдём!

– Ну не надо так переживать! – снисходительно ответил я. – Давайте надеяться на лучшее.

К тому же, совсем немного осталось.

И мы вновь двинулись вперёд. Тогда я ещё обрадовался, подумав, что сейчас мы выберемся наружу, и мне удастся склонить компанию к тому, чтобы закончить детективный марафон. Но мои надежды не оправдались. Вскоре стало ясно, что на другом конце здания были вовсе не открытые двери.

Большое витражное окно... Нет, вся стена состояла из ребристых стеклянных блоков, как это бывает в старых советских зданиях. И почему-то блоки были не однотонными, а совершенно разных цветов. И это безумное, странное, удивительное панно хаотически набранных цветовых сочетаний переливалось оттенками голубого, желтовато-белого, оранжево-коричневого, изумрудно-зелёного... Были там и пятна безудержно яркого, чистого, звонко-синего цвета. Они и придавали лучам, льющимся с улицы, тот загадочный холодный оттенок, что манил нас пройти коридор.

– Красота... – ахнула Мария, замерев у витражного окна и впившись в него восхищённым взглядом.

Её лицо заливал прекрасный голубой отсвет, окрасив кожу в фантастический тон и превратив глаза в два ясных топаза. Остальные тоже встали как вкопанные, обозревая этот памятник промышленной архитектуры.

– Что это? – непривычно мягко спросила Ольга.

Даже я на миг онемел, но потом, как-то неловко кашлянув, ответил:

– Что? А... Да ничего особенного. Вы же помните советские вставки из стеклоблоков? В школах, в детсадах, в универах... Находка инженеров ушедшей эпохи с целью сэкономить электричество...

– Да, но почему они разноцветные?!

– А кто знает? Во время войны ведь построено... Возможно, был дефицит материалов...

Собрали из того, что нашли...

Я уже почти что подумал: «А как же отдалённый уличный пейзаж, который мне мерещился, когда я стоял на другом конце коридора?», но тут встрепенулась Мария:

– Ой, а они ведь соединяются! Пошли дальше!

– Что?.. – начал я, но уже понял, о чём она.

Ну конечно, никто из нас, созерцая реликтовое панно, не удосужился глянуть по сторонам. А между тем коридор не кончался. Нет, он как бы поворачивал одновременно и вправо, и влево, сливаясь с боковыми проходами, и все три были объединены этим красочным витражом («Да как только мы не разглядели его из вестибюля?»). И да, это бред, но мне показалось, что один из проходов зовёт меня, наполняя мысли тихими шелестящими фразами: «Зачем идти обратно тем же путём? Вернуться к выходу можно и другим... Да и зачем возвращаться? Можно ещё здесь побродить. Ну когда ещё выпадет такой шанс?.. Разве ты не хотел новизны?»

В общем, в итоге мы так и сделали. Постояв ещё пару минут перед витражом, отправились исследовать новый коридор.

Мы прошли его очень быстро, лишь изредка проверяя, нет ли бреши в защите его боковых комнат от любопытных взглядов. Некоторые двери еле держались в коробках, запертые хилыми замками, на вид готовыми выпасть от лёгонького нажатия, другие были накрепко заколочены удивительно новыми досками. Да, были и пустые проёмы, свет из которых я наблюдал в вестибюле. Но в комнатах опять не нашлось ничего интересного. Они были такими же голыми, как и та, сквозь которую мы сюда попали.

А вот одна из дверей оказалась не только запертой, но и опломбированной. Я изо всех сил старался рассмотреть знак, впечатанный в засохший сургуч, но разобрать сливавшиеся друг с другом символы было трудно.

«Большое округлое пятно в центре – наверное, герб Советов. А вот что за надпись по кругу? Да что ж такое?! Неужели я, так ничего и не выяснив, вернусь домой и буду гуглить тёмными ночами?!»

Я быстро сфотографировал печать и двинулся дальше.

Проход закончился, и мы вернулись обратно в полутёмный вестибюль. Я с надеждой посмотрел на дверь комнаты с баррикадой из досок. Мария перехватила мой взгляд:

– Как? Уже?! Ну уж нет! Мы ведь не осмотрели третий коридор!

И в итоге, как и следовало ожидать, хоть часы на моём запястье давно проскочили время обеда, а в желудке начинало урчать, сегодняшнему приключению ещё рано было заканчиваться. И мы пошли вдоль пыльной решётки, отделявшей коридоры от холла.

Ольга плотно сцепила руки вокруг моего предплечья, а Ильнур странно улыбнулся, оглянувшись на нас, и поспешил за убежавшей вперёд Марией. Я нервно дёрнул уголком рта, чуть не вырвавшись из цепких объятий, чтобы догнать этого сопляка и расставить наконец точки над «и». Но вовремя одумался: «Нет, нехорошо это будет. Я ведь сам виноват, что вообще на всё согласился. Пусть теперь идёт, как идёт».

В третьем коридоре нас ждали длинные пятна света, тянущиеся из проёмов и зеброй ложающиеся на пол. Их было три: одно почти сразу у входа, следующее – через две двери от него, последнее – восьмая или девятая дверь, далеко впереди, но всего лишь центральная в их общем

ряду. Пол здесь был уже не голым бетоном: его закрывал ребристый настил из чуть округлых снаружи, выпуклых досок, как это бывает в очень старых квартирах. Доски сильно скрипели и пружинили под ногами, и я даже подумал, что во избежание травм надо бы посветить вниз.

За первым дверным проёмом оказался целый лабиринт комнат. Маленькие клетушки выстроились аркадой параллельно коридору. Клетушки без намёка на двери, разделённые тоненькими перегородками из дранки, заляпанными штукатуркой. Освещались они хмурым светом, льющимся сквозь запылённое, общее для всех комнат окно из неожиданно толстого армированного стекла. А вдоль стены коридора, из которого мы сюда попали, тянулся ещё один – тесный, тоже соединявший комнаты между собой. Как будто для этого было мало сквозных дверей.

«Вот это да! Чудеса советской архитектуры. Возможно, здесь располагался канцелярский отдел...»

Окно, усиленное решёткой впаянного в него проволочного каркаса, поражало своей конструкцией, указывая на особую важность помещений. Ведь с противоположной стороны здания стёкла были совершенно обычными и давно повываливались наружу. «А может, и там окна раньше были такими, но пострадали от чего-то, и их пришлось заменить?»

В общем, мы сошлись на том, что это либо какое-то важное научное помещение, либо бухгалтерия. Ведь что же ещё так ценится в учреждениях, как не склад официальных бумаг? И конечно же, в пользу последнего говорила сама планировка: из некоторых комнат в коридорчик смотрели пустые окна – такие, какие все помнят по старым присутственным местам.

«Но вот куда подевались стекла? Хотя бы деревянные рамы, не говоря уж о дверях с косяками? Или всё-таки недострой? Но ведь... Хоть другие помещения ничего толком о себе не рассказали, но заколоченные двери? Но пломбы?.. Это не соответствует варианту с канцелярией. Может, просто здесь не успели достроить? И правда съехали... Как будто в спешке... Но вывезли-таки все инструменты, мебель и оборудование».

Впрочем, это всё было не важно. А инструменты могли растащить, мебель сжечь на костре. Но Мария всё порхала по комнаткам, строя безумные догадки. Она подпрыгивала, кружилась, и полы её пальто раздувались широким колоколом, подчёркивая тонкую талию. Илья и Ольга вяло бродили взад-вперёд, пиная кем-то натасканные сюда газеты и кучки тряпья. И внезапно я тоже решил досконально тут всё осмотреть, заглянуть в каждый дверной проём, в каждый угол этого здания.

Пройдя пятую из выстроившихся друг за другом комнат, я обнаружил, что она была последней, и вышел в объединявший их проход. Там я резко остановился, только сейчас заметив проём, ведущий в некий тесный «предбанник». Свет проникал в него только из коридора, и моя тень вытянулась вперёд размытым чёрным пятном, погружая закоулок во мрак. С потолка на проводе свисала одинокая лампочка-шестидесятка, хотя до этого никаких осветительных приборов я здесь не встречал. А больше тут не оказалось ничего примечательного, кроме того, что в стене напротив была приоткрытая дверь.

Дверь висела на ржавых петлях, оттягивавших вниз наличник с косяком, так что в месте их стыка с проёмом образовались толстые щели. Коробка была сильно перекошена по диагонали. Круглая, ошетилившаяся щельём дыра говорила о том, что раньше в двери был замок, а две более светлые области на некрашеном полотне ДСП намекали на сорванную ручку. Из зазора между косяком и дверью тянуло запахом сырой штукатурки.

В нерешительности я застыл на пороге, когда сзади в меня с криком «Бу!» врезалась Мария. За ней подоспели и остальные, тут же уставившись на мою находку. Несмело я поднял руку, толкнув дверь. И та откатилось вперёд с противным протяжным скрипом.

За дверью была крошечная тьма, и отсвет из-за наших спин выхватывал из неё лишь брусчатый пол. Но его состояние здесь было ещё плачевнее, чем в остальной части здания: многие из досок выпирали вверх, выгнувшись, перекрутившись и лопнув. Это намекало на их

длительный контакт с водой. А каких-то из них вовсе не было, и в провалах виднелась тёмная, влажная, неровная бетонная стяжка.

– Пойдёмте туда! – торжествующе воскликнула Мария, выживая из кармана телефон, чтобы посветить.

– Нет, – неожиданно резко ответил я, одёрнув её за руку.

Она пронзила меня огненным взглядом. Я смутился, выпустив её кисть и мягко объясняя:

– Смотри, какой пол! Недолго и споткнуться, нарваться на приключения...

– Но есть же фонарик!

– Не стоит. Тем более, там, в большом коридоре, остались две открытые комнаты. Помнишь?.. Уже не хочешь узнать, что там такое?

Думаю, и Ольге с Ильнуром не хотелось лезть неизвестно куда. Так что они развернулись и вышли. Мария чуть-чуть постояла у двери, а потом вдруг, зацепившись пальцами за косяк, вся подалась вперёд, ныряя во тьму. Под моим нервным взглядом она секунду висела так, придерживаясь за проём и, видимо, изо всех сил вглядываясь в черноту, а затем тихо, неуверенно пискнула: «Эй!..» Потом вдруг резко отпрянула – подтянулась обратно в проём – и за ней с треском захлопнулась откатившаяся назад дверь. На мой ошалелый взгляд она хитро улыбнулась, напугав меня ещё сильнее, и прошмыгнула мимо, поспешив в главный коридор.

Оставив позади таинственный лабиринт, мы пошли ко второму открытому проёму. То, что нашлось за ним, превзошло все наши ожидания.

Комната метров шесть на шесть была вся заставлена голыми панцирными койками. Их каркасы были выкрашены в ностальгический грязно-синий цвет. Нижние стояли на полу, сдвинутые очень плотно и нагромождённые друг на друга, а верхние кто-то аккуратно поставил на торец – вертикально – и прислонил к стенам. Оставшиеся были просто свалены в кучу, заблокировав путь к такому же, как и в лабиринте, окну из армированного стекла. А прямо перед нами абсурдным пятном обыденности среди всего этого хаоса стояли четыре кровати, расположенные абсолютно правильно, всеми ножками на полу, и расставленные по две в ряд, как будто приглашая нас прилечь.

– Вау! – сипловато протянула Ольга, а Ильнур усмехнулся, почему-то заставив меня покраснеть.

– Ой, а что это здесь было? – наивно спросила Мария, и мне отчаянно захотелось провалиться сквозь землю, лишь бы не быть сейчас здесь, рядом с нею.

– Возможно, комната отдыха. Для каких-то дежурных... – только и сказал я. – Нечего нам здесь делать, пойдёмте!

– Ну почему сразу «пойдёмте»? – снова вклинилась Ольга. – Давайте присядем, поболтаем...

– Время уже позднее, холодно здесь и есть хочется! – выпалил я сразу все пришедшие на ум доводы. – К тому же, там осталась ещё одна комната. Может, в ней нас ждут настоящие тайны?!

– Ну... Если тайны, тогда пошли... – неуверенно протянула Мария.

Неужто поняла мои волнения? За ней потрусил Ильнур, и я тоже наточил коньки к выходу, но тут мою руку сжали тиски сильных Ольгиных пальцев.

Я ещё не въехал, что к чему, а она уже присосалась ко мне в поцелуе, мягко, но настойчиво подталкивая к койке. Я хотел отстраниться, но она очень крепко вцепилась, и тут меня передёрнуло от внезапного возбуждения. Я плюхнулся на кровать, даже не ощутив контакта с панцирной сеткой, смягчённого то ли курткой, то ли неожиданным чувством. Лишь чудом я избежал встречи затылком с железным изголовьем, рискуя получить травму посерьёзнее ущемлённой гордости.

Ольга приземлилась на меня сверху и, не дав опомниться, расстегнула мою ширинку. Задрав полы своей дублёнки, она оттянула вбок нитку стрингов и заёрзала на мне конвульсивными толчками. Не в силах ничего с собой поделаться, я схватился за края кровати, и, стараясь не смотреть в нависшее сверху лицо, завторил Ольгиным движениям.

Вдруг меня окатило холодом. Показалось, что на соседней койке кто-то сидит. Мотнув головой, я вроде бы заметил очертания фигуры, повернутой против света, так что в густой тени едва выделялись контуры зелёной шапочки и халата, как у хирурга. Голова фигуры была опущена, взгляд исподлобья сверлил меня...

Я рванулся, садясь на кровати и чуть не уронив Ольгу на пол. Видение тут же исчезло. Но я ещё долго не мог совладать с собой, подрагивая и нервно краснея.

– Ты прости меня, ладно? – после длинной паузы выдавил я. – Давай уже выбираться отсюда...

– Не хочешь – не надо! – огрызнулась Ольга. – Зачем так драматизировать?

Усмехнувшись и картинно закатив глаза, она стала поправлять одежду, вернув на место ниточку трусиков. Я застегнулся и попытался прогнать видение, поражаясь, что за штуку сыграли со мной стыд и совесть. Потом вывалился в коридор, бегомотом протопал по скрипучим доскам и вломился в третий проём.

Там оказался такой же лабиринт, как и в первой комнате. Чуть меньше мусора, но всё те же клетки из дранки. В одной из них я нашёл Марию с Ильнуром. Они мило беседовали о чём-то у окна.

«Ф-фу, пронесло!»

– Удовлетворили своё любопытство? Уходим! – громогласно возвестил я и первым вышел наружу, не дав им задать вопросов.

На пороге я наткнулся на ползшую за мною Ольгу и шустро припустил к вестибюлю. Мои спутники помедлили в недоумении, но тоже пошли следом.

Холодная полутьма холла была уже совсем близко, когда мне вдруг почудился шум. Будто зашелестел ворох старых газет, а затем раздалось отчётливое эхо шагов. Несмотря на топот ног и скрип досок, услышали это все и как вкопанные остановились. На фоне синеватой дымки впереди проступил тёмный силуэт.

Фигура медленно приближалась, немного прихрамывая, и я невольно попятился, но тут же опомнился и заставил себя замереть, жестом призывая к спокойствию остальных. Силуэт подобрался ближе, и в слабом, призрачном свете стали различимы детали.

Бабка лет семидесяти, с морщинистым грязным лицом, в замызганной кофте – той самой, из цветастой ангорки, что во времена перестройки резво сметали с прилавков.

«Всё ясно. Хозяйка хлама из будки вернулась в свои владения и наткнулась на незваных гостей...»

Старуха всё ковыляла к нам, и, не выдержав напряжения, я вдруг сморозил:

– Простите, вы не подскажете, где здесь выход?

На это в ответ раздался издевательский скрипучий голос:

– Какой ещё выход? Нет тут ничего! Куда пошли, а?

Оценив ситуацию, я уверенно двинулся ей навстречу, но, поравнявшись с бабусей, получил неожиданно крепкий толчок в грудь.

– Куда пошёл? А ну иди сюда!

Ошалев, я начал оправдываться:

– Да мы как раз хотели уйти... – и заработал новую серию ударов.

– Нечего здесь ходить! Нечего! Ишь...

Старуха уже орала вовсю, брызжа слюной из раззявленного беззубого рта, больно тыча в меня кулаками и оттесняя назад. Я, конечно, не отвечал: где ж это видано – бить старую и

явно больную женщину? Оглянувшись, я увидел, что спутники пятятся по коридору – слегка испуганно, но вместе с тем веселясь.

А когда я повернулся обратно, обнаружил, что коридор уже пуст, и услышал удаляющиеся шаги. Удивительно, но бабуся успела раствориться в полутьме вестибюля.

– Что же теперь делать? – неуверенно спросила Мария. – Выход-то через вахту...

– Не бойсь! – нарочито бордо ответил я. – Вернёмся в другой коридор и тихонько вылезем через окно. Придётся опять сделать круг, но вы же сами хотели тут погулять...

Мы ковыляли в темноте, стараясь особо не шуметь, светя себе под ноги телефонами и усердно перешагивая выбоины в полу. Мария с Ильнуром шли впереди, мы с Ольгой – чуть поодаль. От стен отражалось эхо наших шагов и скрип досок под ногами. И к этим звукам примешивался призрачный шёпот капли.

Ильнур посветил вверх. Крыша здесь прохудилась, и талая вода резво сочилась вниз с потемневших стропил, стекая по стенам и капая с потолка. Здесь не было и намёка на лампочку, но сверху свисало несколько оборванных проводов.

«Возможно, не успели достроить. Или провода ободрали вольные собиратели цветмета. Вон и ржавые скобы полувековой древности... Да они, кажется, еле держатся, готовые упасть нам на голову...»

Судя по ощущениям, по коридору мы шли гораздо дольше, чем в прошлый раз. Мистическое сияние удивительной стены-витража и не думало приближаться, оставаясь размытым пятном вдалеке. Не зная, как это поможет, я зачем-то начал считать запертые двери, а мои спутники вертели головами, беспокойно переглядываясь и всё ещё не решаясь говорить вслух. Но бредовые мысли, видимо, появились и у них.

Тут во тьме раздался зловещий скрежет, и одна из дверей медленно поехала внутрь, отбросив на стену яркий прямоугольник света. Вздрогнув, все остановились. Пятно света перечеркнул силуэт с неестественно длинной рукой, тянущейся до самого пола.

Оборванный, грязный, заросший бородой мужик выступил из проёма, разворачиваясь к нам, и в его руке была зажата не то шишковатая дубина, как в учебниках по истории, а не то какой-то гигантский обглоданный мосол. Он волок его за собой, гулко стуча по доскам настила. Наша бравада вмиг улетучилась, и мы кинулись прочь со всех ног.

«Больные бродяги... Да они с бабкой – прямо сладкая парочка!»

Я чуть не врезался в застывшего Ильнура: за каких-нибудь пару метров до холла из полутьмы выступил силуэт старухи. Мария взвизгнула и закрыла рот руками, а Ольга прижалась ко мне, крепко схватив за запястье. Я поймал на себе взгляды спутников с читавшимся в них вопросом: «Что делать?»

– За мной! – одними губами скомандовал я, дёрнув Ольгу за локоть и ввалившись вместе с ней в комнату-лабиринт.

Толкаясь, мы протиснулись во внутренний коридор и столпились у маленького предбанника, судорожно озираясь. Но никто за нами не гнался, и вокруг стояла тишина. Всё та же лампочка болталась на проводе, но, готов поклясться, следующая дверь была другой! Вместо дыры в ней поблёскивал кругляш новенького замка, и судя по всему, тот был заперт!

Мария с Ольгой вдруг хором всхлипнули и запричитали.

– А ну тихо! – рявкнул я, и это подействовало.

Я отгеснил всех назад, освободив место и призывно глянув на Ильнура. Он понял.

Девчонки тихо поскуливали, пока мы с Ильнуром ударяли плечами в дверь, стараясь действовать синхронно, не толкаясь. Со звонким хрустом дверь подалась, и мы вывалились в сырую тьму. Пропустив всех вперёд, я наклонился к выбитому полотну ДСП, и Ильнур помог мне кое-как впихнуть его обратно в коробку.

– Что теперь?! – истерично спросила Ольга.

– Всё норм, – хладнокровно ответил я, включая фонарик.

Я думал, что мы попадём в какой-то подвал, так как здесь пахло влажной штукатуркой и плесенью. Но вокруг были всё те же гнилые доски и бетонные стены – продолжение коридора, разве что чуть пошире и покороче. Хотя... Нет, у стены справа начинался лестничный марш, ведущий куда-то вниз. Но туда мы не пошли, ведь я сразу нашарил лучом фонаря дверь в конце коридора. Я повёл всех за собой, поражаясь, какого чёрта мы вообще полезли в этот дом, и что это за нелепая постройка. Дверь была не заперта. Легонько толкнув её, я увидел синий мрак вестибюля и осторожно высунулся в щель, озираясь.

Оказалось, мы в какой-то пристройке с правой стороны вестибюля, и смотрел я как раз на ворота. И, о чудо, они были приоткрыты.

Я решительно вышел в холл, бросив настороженный взгляд на будку охраны. За решёткой было пусто, и я торопливо подозвал спутников. Подбежав к железным воротам, мы с Ильнуром навалились на них, вытолкнув одну створку наружу.

Улицы как таковой не было: её залили непроглядные сумерки, непонятно когда успевшие опуститься на пустырь. А из-за ворот на нас готова была ринуться толпа.

Страшные, грязные, озлобленные бомжи, вооружённые шипастыми досками и дубинами, скалясь, выступили из тьмы. Крутанувшись на ватных ногах, я бросился прочь, схватив кого-то за рукав (кажется, Ольгу). К счастью, остальные рванули следом за нами.

Я влетел в пристройку и бросился вниз по лестнице, успев ещё обернуться и сгрести в охапку кого-то. Мы вылетели на площадку с хилой дверью, тоже открытой.

Ольга с Ильнуром шмыгнули во тьму, но вдруг сверху оглушительно грохнуло, и Мария застыла на месте. Начисто забыв о галантности и о душевном трепете, я резко впихнул её внутрь и сам влетел следом, захлопнув за собой дверь. Вверху и внизу двери я нашарил мощные шпингалеты и судорожно защёлкнул их. И как только я это сделал, дверь затряслась от ударов.

Я навалился на дверь, надеясь удержать её в петлях. Ильнур тоже оказался рядом. В дверь колотили, и я прикрыл глаза, выдерживая боль от ударов. Но вдруг они прекратились. Повисла тишина, нарушаемая только всхлипами.

«Совещаются они там, что ли?..» – пронеслась в голове дикая мысль.

Но не успел я её озвучить, как раздался дребезжащий щелчок: «Бдзынь!» (перепугав всех, под потолком загорелись лампы).

«Что за бред? Если здание раньше и было подключено сети, то теперь-то?..»

Рядом плакали девушки, а я вертел головой, озираясь.

Снова коридор, только уже не с гнилыми досками, а с узорчатым линолеумом на полу. И линолеум был подозрительно новеньким. Стены, правда, украшали разводы влаги, а лампы горели здесь через одну, но сам факт их работы изумлял. А по бокам опять были двери, но теперь обитые металлом и запертые, даже с какими-то указателями.

«Точно! – невпопад думал я. – Это не подвал... Это целая генераторная станция! Она обеспечивает электричеством всё здание. Наверняка на дверях надписи: «Не влезай, убьёт!»

Лампы судорожно моргали, погасая и включаясь вновь, изредка синхронизируясь и то освещая подвал, то погружая во тьму. Вдалеке ламп горело всё меньше, и метров через пятнадцать коридор уходил во мрак. Невозможно было разглядеть, что там впереди.

Я до последнего не хотел верить, что попал в такую ситуацию, а когда наконец признал это, то наплевал на всё и протянул руки к дрожащей Марии. Я обнял её. Осторожно прижал к себе, приподнял её заплаканное лицо и нежно посмотрел в огромные серые глаза, приговаривая: «Ничего... Всё в порядке... Всё норм...»

Поначалу она ещё всхлипывала, потом судорожно вздохнула и робко опустила голову мне на грудь. Я прижал её к себе, поглаживая по волосам. И тут меня осенило: «Давно пора достать телефон и набрать номер службы спасения!» Но сделать этого я не успел – в дверь заколотили. Мария отпрянула. Мы с Ильнуром бросились защищать вход.

Одуревшие взгляды, всхлипы, паническая одышка, звуки ударов.
– Бегите! – крикнул я, из последних сил вжимаясь спиной в дверь.

Спутники бросились прочь, а я зажмурился, сдерживая натиск и готовясь к неотвратимому. Но вдруг я тоже оттолкнулся от двери и кинулся наутёк, не думая, чем это закончится.

Я видел спины Марии, Ильнура, хотел догнать их, но тут все лампы погасли. Впереди раздался дикий, отчаянный, рвущий душу крик. Он стремительно сошёл на нет, а свет включился опять. Лампы горели теперь по всей длине коридора, осветив и ту его часть, что раньше оставалась в тени. Передо мною открылась ужасающая картина.

Рваная дыра в полу, обрамлённая ломаным брусом и ключьями линолеума. Свет моргал над ней, и куски вздыбленных досок отбрасывали безумные тени, придавая дыре сходство с огромной клыкастой пастью. Я поплёлся вперёд и упал на колени у её края. Дрожащими пальцами выковырял из кармана мобильник и, чуть не уронив его, ткнул кнопку питания. Неистово надавив на ярлык фонаря, вытянул руку над ямой.

Пропасть без намёка на дно. Лишь метра через три – битые плиты кафеля нижнего этажа, «стекающие» в дыру. И ничего. Ни следа живых людей, ни их тел, разбившихся о бетон.

Всё ещё ни во что не веря, я склонился над ямой, шаря по ней лучом фонаря, и стал тщетно, надрывно звать спутников, выкрикивая их имена.

Часть вторая. Борец

Выйдя из ступора, я оттолкнулся от края ямы, встал на ноги. Сунул в карман мобильник и побрёл обратно по коридору, давя в себе отчаянный крик: «Что блин происходит?!» Мозг не хотел работать, подсовывая мне вместо ответов какую-то кашу из образов: дед с обглоданным мослом, старуха в кофте, бешеные бомжи, плачущая Мария. Всё это никак не хотело вписываться в картину реальности, но я не мог очнуться.

Шатаясь, едва не встречаясь головой со стенами, я добрался до двери, больше не прыгающей под ударами. Выковыряв из куртки мобильник, набрал экстренный номер. После недолгих гудков послышался женский голос: «Что у вас случилось?» Но когда я дурным голосом начал орать, объясняя ситуацию, связь прервалась, и я понял, что разговариваю сам с собой. Я жал кнопку вызова снова и снова, но на линии то было занято, то звонок обрывался. Лишь один раз всё получилось, но автоинформатор попросил подождать, и тут экран погас – телефон умер, превратившись в бесполезный кусок пластика. Я едва не шарахнул его об стену, но одумался и сунул обратно в карман.

«Ничего, – стал я себя успокаивать, – всё будет хорошо... За мной приедут... Отследят геолокацию...» – но на это в голове возникали саркастически мрачные мысли.

Опасаясь приближаться к двери, каким-то чудом сдержавшей натиск бомжей, я наматывал круги по коридору, дожидаясь неизвестно чего – то ли чудесного спасения отрядом бравого спецназа, то ли появления в стене волшебного портала, ведущего прямо домой – и не находил моральных сил даже на то, чтобы оплакать свою несбывшуюся любовь. И тут я заметил Её.

В стене слева, примерно посередине между небезопасным выходом и страшным бездонным провалом, действительно была плотно закрытая, сливавшаяся цветом с бетоном, тусклая оцинкованная дверь. Я не стал долго раздумывать, как это умудрился не заметить её раньше, а просто подошёл и остановился напротив. И стало ясно, что она не заперта, потому что на внутренней стороне некрашеного косяка виднелась пара миллиметров более светлого дерева, не потемневшего от влажного воздуха подвала и не затёртого прикосновениями. А рядом с дверью, как раз на уровне глаз – там, где обычно вешают эвакуационный план, – была пластиковая табличка, формой и размером похожая на автомобильный номер. Она была грубо прищиплена к бетону не до конца вогнанным в него гвоздём. Корявая размазанная надпись, сделанная чем-то засохшим, рыже-коричневым, гласила: «Помолись!»

– Вот ещё! Давно не пробовал и сейчас не собираюсь! – подумал я и мягко толкнул дверь, осторожно заглянув внутрь.

Конечно, за ней была чернота.

Стоя в нерешительности на пороге, уже собираясь посветить в проём, но вспомнив, что мобильник сдох, я вдруг услышал какой-то тихий царапающий звук. Вздрогнув, уставился в черноту, но понял, что звук идёт не оттуда. Резко обернулся и застыл, не в силах пошевелиться. То ли и правда увидел, а то ли представил себе (ведь сложно было что-то разглядеть так далеко), что за край ямы цепляются окровавленные пальцы.

Я бросился к провалу, сходу упал на живот и схватил руку, тщетно искавшую опоры. Потянул её вверх изо всех сил, от натуги суча ногами, стараясь не потерять равновесие и не перевернуться через край ямы. Когда уже две ободранные руки показались над краем по локоть, я, не выпуская их, подполз ближе, нащупал и потянул к себе исцарапанные голые плечи.

Вот тут-то я и понял, что что-то здесь не так. Руки были мужские – значит, Ильнура. Ёжик тёмных волос тоже говорил об этом. Но где одежда? Да, что-то могло сорваться при страшном падении, но... Но не всё же! И где тогда хотя бы лоскуты?

Ещё не осознав всего ужаса своего положения, я тихонько просипел: «Ильнур?» Тело дёрнулось и задрало голову. Меня пронзил настоящий, жестокий, чудовищный ужас, ничуть не смягчённый шоком.

Стальными, почти белыми радужками с контрастно-чёрным ободком на меня смотрел парень. Но знаком он мне или нет, понять было трудно. Всё лицо его ниже переносицы было содрано, и в блестящем кровавом месиве чернели две дырочки ноздрей, под которыми расплылся чудовищный, широченный мертвецкий оскал.

Я заорал, вырываясь из мёртвой хватки. Сумел-таки освободиться, и тело парня жалобно шкрябнуло пальцами по полу, сорвавшись вниз. Я вскочил и бросился прочь, давя в себе угрызения совести.

Подлетев к спасительной двери, я врезался в неё плечом, но как-то ещё успел зацепиться рукой за косяк и на миг задержаться в проёме. Свернув со стены табличку с издевательской надписью, я швырнул её на пол и оказался во тьме, пахнущей сырой штукатуркой.

Подсвечивать дорогу было нечем, да и незачем. Зрачки адаптировались, и я понял, что освещение здесь всё же какое-то есть. Слабый, почти что на грани восприятия тёплый ореол, подрагивая, окружал единственную ртутную лампу в ребристом пластиковом корпусе, предназначенном для двух таких. И всё вокруг наполнилось дрожащим грязно-розовым сиянием, давящим на психику.

Я стоял в начале нового коридора. Недлинного – всего метров пятнадцать – по сравнению с предыдущим, казавшимся бесконечным. С обеих сторон здесь было по две закрытые двери: первая справа, почти в самом начале; вторая – слева, немного дальше; а третья и четвертая – в противоположном конце, друг напротив друга, и после них ещё оставалось приличное расстояние до глухой торцевой стены. Всё. Тупик.

Не отчаиваясь раньше времени, я пошёл к первой двери.

Шершавое полотно ДСП. Ни намёка на ручку, зато есть пуговка замка, какая обычно бывает не снаружи, а изнутри помещения. Я тихонько подтолкнул дверь, и она легко откатилась в комнату, будто на совсем новеньких, только что смазанных шарнирах. Неожиданно яркий свет ударил мне в глаза. И я не успел разглядеть, что же там, за дверью – всё-таки тоненько скрипнув, она закрылась. Забыв об осторожности, я шагнул вперёд, придерживая упрямую дверь.

Маленькая комнатка без окон, без батарей или чего-то ещё – пустая бетонная клетка метра три на три, с единственной деталью, за которую мог зацепиться взгляд – пыльной вентиляционной решёткой под потолком. Резкий, холодный, мелко дрожащий свет шёл от люминесцентной трубки над дверью, чётко вычертив на полу мой приплюснутый силуэт. И тень легла на что-то ещё более чёрное, стоявшее в центре комнаты.

Гроб. Обитый траурной чёрной тканью закрытый гроб стоял на трёхногих табуретах. «Прямо как в дурацких страшилках: в чёрной-чёрной комнате, в чёрном-чёрном доме...» Крутанувшись на каблуках, я вылетел вон, дёрнув дверь за собой. Она с хрустом хлопнула о косяк, заглушив мой стон ярости.

Результаты дальнейшего осмотра коридора тоже были неутешительными: всё заперто, и вовсе не так хило, как в наземной части здания. Двери в коробках удерживались замками, врезанными под оцинкованный стальной лист с затейливым заводским узором. Я метался по коридору, толкаясь в них, надавливая ладоням, потрясая и даже примериваясь к ним плечом. Пару раз наваливался на одну всем весом, но без толку – чтобы сломать её, требовались критические усилия, чего я себе пока позволить не мог.

«Дело дрянь...»

Я поравнялся с первой комнатой, окончательно приходя в себя и принимая решение: «Вернусь в коридор с ямой. Там сейчас тихо. Может, бомжи ушли, и я проскочу...» Но вдруг

позади меня раздался характерный, раскатистый, хрусткий звук – щелчки поворачиваемого замка.

Весь подобрившись, съёжившись чуть ли не в комок, я обернулся. Звук прекратился, и в дальнем конце коридора, в судорогах умирающей лампы, после маленькой драматической паузы медленно откатилась в комнату дверь. В открывшейся щели показался контур скрюченного силуэта.

– А что ты тут забыл?.. – раздался скрипучий голос.

«Нет! – чуть вслух не заорал я. – Тебя не может здесь быть!» – и попятился от буйной старухи.

– Куда пошёл? Туда нельзя! Ишь, расхотелся тут, а?..

Сгорбленная бабуся проворно ковыляла ко мне, невзирая на хромоту, переваливаясь к боку на бок, резво переносила вес на здоровую ногу и тут же подтягивая больную. Я упёрся спиной в запёртый выход и судорожно шарил руками позади себя. Тщетно. Напрасно я ковырял ногтями края двери. Она крепко засела в коробке, когда я её так резко захлопнул. Я даже не успел отстраниться, ускользнуть вбок – бабка подскочила ко мне, схватила за грудки и сверкнула на меня снизу-вверх злобно прищуренными глазками.

– Куда, мил мой, куда?!

Я больше не пытался быть галантным и со всей силы оттолкнул её. Это вызвало такой взрыв ярости, что я испугался. Бабка шустро поднялась с пола, враскоряку наклонилась вперёд, оттопырила зад для баланса и, воинственно взвывая, пошла на меня, скрючив пальцы с чёрными от грязи ногтями. Я хотел от неё увернуться и шаркнул влево. Старуха с грохотом врезалась в дверь, но всё же успела вцепиться в меня.

Её триумф был впечатляющим. Взревев ещё мощнее, она с титанической силой рванула меня к себе. Я полетел вперёд, опрокинув её. Мы повалились в дверь, ушедшую под нами назад.

К счастью, удара лицом об пол я избежал – успел выбросить вперёд руки. Но приложился неслабо. И сразу рванулся вверх, ведь сумасшедшая бабка уже ползла по мне, подбираясь к шее колючими пальцами. Но тут что-то как будто сшибло меня вниз – голова резко закружилась, и я не смог её поднять, как после сильного удара. Я пополз назад, трясая головой, елозя задом по щербатому бетону, дёргаясь и пинаясь в попытке сбросить с себя цепкое тело, и оказался у гроба. Ещё чуть-чуть, и я обрушил бы табуретки с ним, и неминуемо получил бы по башке чьим-то последним пристанищем. Но, успев-таки извернуться, я отпрянул, вновь падая на бетон и ударившись затылком. И тут же над моим лицом нависли старушечьи челюсти – оскаленные, блестящие от слюны, клацающие остатками зубов.

Я схватил и с силой отшвырнул настырное костлявое тело. Вопя, оно вывалилось в коридор. И мне не осталось ничего другого. Я перекатился на живот, с трудом встал на колени, дотянулся до уже закрывающейся двери и поторопил её, с хрустом грохнув о косяк и подперев спиной.

Дверь тут же заплясала под ударами.

«Откуда у старухи столько силы?!»

Я вздрагивал, болезненно мотая кружащейся головой и глядя на ободранные до крови пальцы.

«Раз, два, три... Вроде бы не двоятся, норм».

Чувствовал я себя паршиво. Как будто с похмелья. Кое-как поднялся на ноги, не прекращая давить на дверь и тяжело по ней проехавшись спиной.

– Ну хватит уже! – крикнул я. – Ну что я вам такого сделал? Перестаньте!

Я тупо пялился на гроб, не представляя, что ещё предпринять.

«Комната без окон, с одной единственной дверью, в которую ломится безумная старуха. Передо мной – «коробка с сюрпризом», из которой в такой ситуации может вылезти всё что угодно...»

Судорожно всхлипнув, я с трудом задавил в себе приступ истерического смеха.

«Стоять так и ждать, пока бабка вымотается, или отойти? Дать двери открыться, а старухе – повалиться внутрь? Резко выбежать и попробовать прорваться в большой коридор?»

Я уже почти понял, что делать, когда стук в дверь прекратился. Вместо этого послышался шорох шарящих по ней пальцев, а затем – звонкий двойной щелчок провернувшегося замка. Мой враг вспомнил о защёлке раньше меня.

По инерции я развернулся, прижался ладонями к двери, ещё ни во что не веря, умоляя её открыться. Молитвенно запрокинув голову, не желая признать, что всё это правда, я ударил в дверь кулаком.

«Чёрт, а ведь я, наверно, не первый! Так глупо попался...»

Очень кстати всплыл в мыслях бомж с обглоданной костью в руке.

Роман неспешно одевался. Сегодня он дежурил в день, и на службу совсем не опаздывал – привычка вставать рано была у него ещё с детства, родители даже смеялись: «Наш Рома своего не проспит!» А за годы учёбы в профшколе, а затем – службы в местном отделении МЧС, он привык приводить себя «в боевую готовность» с первого звонка. Так что, даже если ничего серьёзного не случилось, то он всё равно вставал вовремя как миленький и без будильника, да ещё хватало времени понежиться под горячим душем и без спешки позавтракать.

Когда выходил из ванной, голой пяткой наступил на что-то острое. Поднял ногу и чуть не в голос выругался: в ступню коротенькими зубчиками впилась маленькая женская заколка – весёленький розовый бантик на металлической застёжке. Светина.

Девушка ушла от него пол года назад. Собрала вещи, даже что-то сказав на прощание. Но всё равно тут и там выскакивали её безделушки. Поначалу Роман подбирал их и складывал горкой на кухне, а потом всё же начал выбрасывать: вряд ли она когда-нибудь их заберёт, да и тяжело было смотреть.

Ну, сегодня горевать он не стал. Выпил кофе, надел лёгкую футболку и джинсы, накинул сверху ветровку (хоть на улице был апрель, но что ему эта слякоть на собственных жигулях – пусть и стареньких, зато купленных на свои). Он взял сумку с выстиранной униформой и спустился во двор под наглое пение птиц, шурясь на яркое небо, окрашенное в розовые тона.

– Нет! Нет-нет-нет-нет!!! – кричал я и барабанил в дверь. – Открой, сука, открой! А то ноги тебе переломаяю!

Бессильно сыпля угрозами и понимая, что сам же, с самого начала во всём виноват, я колотил в дверь, но безрезультатно. В конце концов решил не тратить силы зря. Повернувшись, ещё раз посмотрел на закрытый гроб и, поражаясь абсурду всего происходящего, осторожно обошёл его по кругу, не приближаясь слишком близко и не любопытствуя, что там внутри.

Конечно, от смены угла обзора ничего не изменилось: гроб – вот он, стоит себе спокойно на стульях, волшебной двери в стене тоже не появилось, а штатная – по-прежнему заперта. Смирившись, я отошёл в дальний угол, из которого было хорошо видно дверь, опустился на корточки, привалился спиной к стене и достал телефон: хотел проверить, не ожил ли он, и не появилась ли связь.

Да, батарейки хватило ещё на одно включение, но экран тут же погас. Зло плюнув, я обхватил колени руками и уткнулся в них подбородком, бесцельно уставившись в пол перед собой. Я как будто перешёл в режим гибернации, словно пойманный дайвером осьминог, который отказывается шевелиться, понимая, что отверстия в стенках садка слишком малы – сквозь них не протиснется несжимаемый хрящ, расположенный между глазами.

«...И что-то в моей жизни пошло не так. Что-то мучило меня всё это время, заставляя ощущать беспокойство, не давая сидеть на месте в редкие выходные, которые априори я тратил лишь на себя. Всё чаще я пытался сменить обстановку, найти новую компанию, избегая

уединения и отдаляясь от старых товарищей. Давно позабыл о барных посиделках, пожалуй, с единственным проверенным другом, оставшимся со мной рядом – Женькой, хотя он, как и раньше, звал меня прогуляться, вконец устав от своей семейной идиллии. Но ни выпивка, ни глазение на девушек в стрип-клубе, ни философский отдых у пруда во дворе небольшого коттеджа – в тот час, когда даже птицы боятся потревожить хрустальный звон подмороженной за ночь природы – ничто не приносило наслаждения мне, так давно променявшему весёлые компании на продуманный, комфортный покой и осознанное, добровольное одиночество.

С тех пор, как я шагнул вверх по карьерной лестнице, а затем разошёлся с девушкой, пробывшей со мной так долго, жизнь всё же стала приемлемой, и даже больше того. Теперь я столько всего мог позволить себе в обмен на удлинённый рабочий день и расширенную ответственность за принимаемые решения. Зато ни в чем не нуждался, и если не засиживался по вечерам за проверкой юридических документов или за изучением новинок отрасли, то мог запросто завалиться в ночной клуб и напиваться Хеннесси с Рэд Лейблом под лучшую из закусок. А по выходным мы с Женькой могли занять вип-места на небольшом хоккейном стадионе. В общем, жил я в своё удовольствие, не забывая и о высоком. Выставки, балет, опера... Иногда даже брал с собой какую-нибудь знакомую даму. Но вот на серьёзные отношения не тянуло. Наверное, сказался предыдущий опыт.

А в душе моей давным-давно что-то сломалось. Ещё тогда – когда разругались с первым настоящим другом – со Славиком. С тем, кто был рядом ещё раньше, чем я стал таким. Плохо, конечно, вышло, но что я мог поделать? Речь шла о собственном будущем. О неотвратимом завтрашнем дне... Тем более, он ведь сам всё профукал! Почему же тогда все шишки должны сыпаться на меня?

Мы тогда с ним работали в только-только открывшейся фирме – провайдере интернета. Слава заказы искал, а я – по технической части. Сначала – сборка полусамопальных модемов из корейских деталей, потом – установка всего получившегося и последующее его обслуживание. Платили нормально, хотя работа была примитивной, автоматической, а я вечно в разъездах: то в село какое-нибудь зашлют, где интернет только у председателя, то в недавно отстроенный микрорайон – к скучающим домохозяйкам местных миллионеров.

Только вот в кризисное время, на рубеже тысячелетий, условия стали хуже: ни больничных тебе, ни отпусков человеческих, и зарплату понизили. А уж задерживали её как!.. Порой на полгода. Бывало, мы месяцами сидели без денег (хорошо ещё, откладывать додумались, чтобы не жить в долг). Но на обычный ритм жизни с кафе и киношками не хватало, и подруга начала нервничать. Ладно, детей у нас не было – время было не то.

Ну так вот. Раз приходит ко мне Славка весь такой возбуждённый – глаза сверкают, волосы чуть ли не дыбом. Говорит:

– Тут западный гигант представительство решил открыть. Прямо здесь, в нашем городе. Приглашает работников с опытом в области айти-технологий. У меня сосед – дурак ещё тот, а устроился туда, представляешь?! Говорит, условия – супер: отпуск, страховка, стабильный оклад, зарплата строго вовремя! Берут почти всех! Компания немаленькая – мест хватает. Их цель – подмять под себя всю сферу в регионе... И вот, я уже анкету заполнил! И предварительное собеседование прошёл. Завтра – финальное, с непосредственным, местным начальником!

– К-когда успел?! – только и смог выдохнуть я.

– Да вот, сегодня! Я же к зубному ходил, помнишь? Заранее отгул брал... Нет, ты не думай, я от тебя-то скрывать не собирался! Просто, сам знаешь... Приметы... Ты тоже сходи обязательно! Сейчас тебе всё напишу: телефон, адрес, детали...

– Да нет... Я уж как-нибудь сам... – пробормотал я, слегка обиженный, хотя всё понимал.

Просто случай Славику выпал редкий – такой бывает лишь раз. И глупо было бы всё рассказать, а потом не пройти собеседование. К тому же, он только недавно узнал и не был уве-

рен, что это не какая-нибудь замануха, вроде гипнособрания распространителей чудо-добавок к пище. Решил сам всё проверить и...

– Лёш, ты там долго ещё? – раздался из-за спины голос Татьяны, относившейся ко всем моим друзьям с подозрением («Бродяги и алкаши!»).

– ...Ты что! Иди завтра же! – продолжал Славик взхлёб. – Позвони на работу, скажи «заболел» и иди! Снова будем работать вместе!

– Ну ладно, посмотрим... Ты прости, что не приглашаю...

– Да нет, мне самому домой надо – готовиться! Посижу ещё вечерком, всякие справочники посмотрю. Дело-то важное!

– Это да. Ну, увидимся!

А назавтра он пришёл ко мне с бутылкой. «Отмечаем?!» – чуть не ляпнул я, но тут же понял по лицу, что повод не праздничный.

– Не взяли. Сказали: «Опыта маловато. Поработай ещё годик-два. Узнай технические особенности, специфику области... Рассмотрим твою кандидатуру, если будут вакансии...» Нет, ты не думай, что всё проплачено, что собеседование только для вида, и своих понабрали давно. Просто они не могут принимать неподготовленных людей. Дело-то серьёзное. Нужно хорошо знать сферу, разбираться в новинках, быть точно уверенным в том, что предлагаешь людям. Выбирать самое лучшее и доступное в обслуживании, чтобы они потом опять к тебе шли. «Формирование клиентской базы – основополагающий фактор выживания компании». Потенциал у меня, говорят, есть, и позиция активная, но на одних коммуникативных способностях не вырулишь. «Менеджерских знаний в этой области нам не достаточно». Представляешь, соседа с его училягой взяли, а меня с неоконченной вышкой – нет. Как так?!

– Ну ничего, Слав, ничего... Мы с тобой ещё поработаем – под сокращение же не попали! А там, глядишь, и останутся ещё вакансии, или что-то новое подвернётся!.. – так сказал я ему, наливая утешительные сто грамм.

А сам, признаться, всё же прошёл собеседование. Мой технический диплом и опыт работы в области техобслуживания стали плюсом. Вскоре я написал заявление об уходе, но с другом это отметить уже не вышло.

Сначала я ему ничего не сказал – не решался. Чувствовал себя паршиво, чуть ли не вором. Когда скрывать стало невозможно – поговаривать на работе стали: «Линяет!», да и от срока доработки ничего не осталось – я зашёл в отдел к Славе.

– Не уходи домой сразу. Есть разговор.

Мы пошли в бар. В подвале через улицу – часто туда заглядывали. Местечко то ещё: пьянчуги, наркоманы, местная гопота. Но с нашим достатком выбирать не приходилось.

– Знаешь, Славик... Я на работу устроился. От нас увольняюсь, – тихо вымолвил я, катая рюмку в руке и слишком уж пристально рассматривая царапины на барной стойке.

Он смотрел на меня непонимающе. Потом так же, как и я в тот раз, спросил:

– Когда успел?

– Да, признаться, ещё две недели назад... Завтра уйду.

– А что ж ты молчал?! И куда уходишь? Что нашёл?!

– Да туда же... Ты мне адрес давал.

– Поздравляю... – коротко бросил Славик, поднимаясь. – С высшим техническим – самое оно...

– Слава, ну подожди ты... – промямлил я ему в след, надолго запомнив, как женщина-бармен, натирая стаканы, глянула на меня, надменно дёрнув ресницами.

И больше я его не видел... То есть нет, не совсем так. На следующий день на работе я зашёл к нему на этаж. Но он не хотел говорить. Сказал, что занят, что вечером позвонит, что всё норм.

– Давай я сам позвоню. Или нет, лучше зайду! Принесу закуску, литр студёной!.. Я попозже хотел отмечать, когда уже пообвыкну... Но раз уж так, то давай заранее, прямо сегодня, а?

– Меня не будет дома. Прости, мне пора. Созвонимся.

Конечно же, он мне не позвонил. Я сам как-то звякнул на домашний, но девушка ответила, что его сейчас нет. Возможно, это так и было.

И я решил его больше не беспокоить. Посчитал, что он повёл себя откровенно как баба, обидевшись ни за что. Нет, я, конечно, чувствовал, что не прав, но это в глубине души, а на поверхности я оставил для себя только путь к цели. «Достойный заработок, карьерный рост, уважение сотрудников». В итоге я как бы снял себя моральную вину, и жить стало легче.

Уже в первый год мне стали исправно платить, выдали персональный ноутбук, даже назначили премию. А вскоре я купил себе машину. Старенькую семёрку, но для начала это было неплохо. Дальше – больше. И вот меня сделали начальником...

Теперь-то я понимаю, что мне просто повезло. Пришёл в хорошее место в подходящее время. И этого бы не было без Славы. Но я тешился мыслью, что ключом ко всему оказалось моё трудолюбие. Я оставался по вечерам, штудировал интернет, искал информацию о производителях, писал деловые письма. А Славик... лентяем он был всю жизнь. Хотел получить всё на шару. Одной ночи подготовки для такого дела маловато, да и, наверняка, забил он тогда на чтение – выпил пива и дрых.

А недавно я встретил одноклассника. На закрытом банкете компании-партнёра. Ничего так мужик, хорошо поднялся: дорогие часы на руке, из кармана брюк свешивается брелок с логотипом дорогого авто, шикарный костюм... Тоже в филиале зарубежной компании состоит. Давно с ним не общался, а тут вдруг вспомнил – он же как раз знал Славика.

Вот и рассказал он мне, что Славу с работы уволили. То ли пьяный он пришёл, то ли натворил чего. И звучало всё это очень странно. Слава отчебучить-то был горазд, но ведь не на службе! И с алкоголем у него проблем в общем не было – стабильно-контролируемая привязанность, не более. А тут вдруг – на тебе!..

И главное, не сказал никому. Пропал на целый месяц. А потом выяснилось, что и подруга от него ушла – не выдержала эмоционального напряжения. Вот тут-то он уже конкретно запил, и покатило. Помощи не принимал – вообще был неконтактным. Через год за долги у него забрали квартиру. И больше никто о нём не слышал. Ушёл, говорят, на улицу, стал бездомным.

После этого я стал ходить по улицам с опаской, стараясь не смотреть по сторонам. Боялся, вдруг однажды в каком-нибудь вонючем бомже я узнаю Славу. Вообще без машины больше по городу не шатался, объясняя это удобством и привычкой. Знакомые сначала посмеивались: «Сноб! Совсем зажрался!», но потом отстали. А из бара с Женькой я уезжал на такси. Но Таня вскоре тоже почему-то от меня ушла.

И стоило нарушить своё правило лишь раз, всего один единственный раз отклониться от курса – и вот оно! Попал в передрагу. «Как только у меня у первого здесь нервы не сдали?! Разруха и грязь вокруг, толпа злых бомжей...» Я вспомнил, как, стоя у двери, за которой воцарилась подозрительная тишина, пытался восстановить конструктивный ход мыслей. И на краю сознания промелькнула одинокая фраза: «Пожалуй, в ту яму должен был тогда упасть я...»

Из штаба Роман выехал на своей машине, пристроившись в хвост к фургону оперативного реагирования. Было приятно ездить на своих колёсах, и ему это негласно разрешалось. К тому же, так в фургон вмещалось больше людей.

У недостроенного здания встала машина МЧС. Двор был заполнен служащими в униформе. «Не так много, всего шестеро, – подумал Роман – значит ничего страшного» – и подбежал к своему начальнику.

– Валерий Сергеич, какие буду указания?

– А, Рома! – неформально ответил тот. – Ты давай, одевайся. Поступил звонок в службу спасения. Он оборвался, но оператор зафиксировал это место. То ли бывшая химическая лаборатория, то ли какой-то завод... Чёрт знает, кому в голову взбрело туда лезть! Территория закрытая. Числится опасной зоной. Но туда и так никто не ходит. Эх... В общем, снаряжайся, и вперёд!

– Так точно, товарищ старшина! – отчеканил Роман и побежал к фургону.

Там он облачился в химзащитный костюм, накинул на шею ремешок респиратора, приладил на пояс рацию, вставил в ухо наушник. Уже готовый заходить внутрь, оглянулся на шефа. Тот ему улыбнулся и поднёс переговорник к губам: «Группа, вперёд!»

Шестеро спасателей вбежали в здание. Скрипнули металлические ворота, впустив их в просторный вестибюль. Роман остановился, снял с пояса щуп газоанализатора и повёл им в воздухе. Табло замигало изменчивыми цифрами.

– Оксид углерода, примеси метана, другие продукты горения. Концентрация незначительная, но риск отравления есть.

Он надел респиратор, поправил его и бегом проверил крепления ловкими пальцами. То же самое сделали остальные. Затем Роман глухо сказал в рацию через маску:

– Докладываю. В воздухе обнаружена незначительная примесь газов.

– Принято, – ответил командир. – Двигайтесь дальше.

Посреди вестибюля была узорчатая решётка, загораживавшая вход в коридоры. Дверь решётки стояла распахнутой, так что проходная не стала для команды помехой: не понадобились кусачки и пилы.

Дневной свет, проникавший сквозь окна в дальних концах коридоров, наполнял их холодным сиянием, рассыпаясь по краям защитных линз маски лёгким радужным ореолом.

– Группа, – скомандовал Роман, – разделимся по двое. Каждое звено проверит по коридору.

Спасатели разбились на двойки и двинулись к заграждению. Роман оказался в паре с Рашидом – опытным бравым мужиком вдвое старше его.

– Ну, алга! – с усмешкой прогудел в маску тот и первым шагнул в проём.

Роман глянул на него с улыбкой, хоть этого и не было видно под маской. Но улыбка стёрлась с его губ, когда он проходил сквозь проём решётки. Что-то странно кольнуло в висок, к горлу подкатил жёсткий ком. Роман судорожно сглотнул и тревожно посмотрел вперёд – на сияние далёкого дня – еле успев ощутить тень какого-то предчувствия.

Его двойка взяла на себя центральный коридор. Полутёмный, с загадочным голубым отсветом, лежащим на доски пола. Здесь ледяное сияние, которое так сильно било в глаза, когда парень смотрел на него из холла, почему-то померкло, став слабым холодным оттенком на стенах и на полу. По бокам коридора были двери, и очень много. Некоторые – открытые – дышали морозной темнотой. Другие были заперты и опломбированы.

– Проверим открытые, – коротко бросил Роман, включая налобный фонарь.

За первой ничего не было: какой-то тёмный чулан с покосившейся дверью. За второй – уже больше: комната и закуток с переломанными досками на полу, а из стен торчали ржавые трубы. Каждый раз Роман напрягался, готовясь увидеть чьё-нибудь скорченное тело: человека, лежащего без сознания, или раненого, зовущего на помощь.

Но минут за двадцать они с Рашидом прошли весь коридор, обшарили все открытые комнаты. Некоторые оказались большими, хоть и абсолютно пустыми, разве что с парой матрасов и обрывками газет на полу, другие – всего лишь чуланами, но пострадавших там не было. Пару раз щёлкала рация. Роман думал, что другие двойки кого-то нашли, и надо бежать им на помощь. Но динамик молчал, как будто кто-то нажимал кнопку вызова и тут же её отпускал. Тогда Роман спрашивал: «Кирилл, Витя, что у вас?» – но в ответ раздавалось только: «Пока

ничего, отбой». А когда они с Рашидом дошли до конца коридора, парень временно забыл обо всём. Он замер на месте, восхищённо уставившись вперёд.

Невероятный витраж из стеклоблоков занимал всю стену, в которую упирались коридоры. Блоки были не одинаковые, как в обычных советских зданиях, а разноцветные: синие, голубые, коричневые (цвета йода), изумрудно-зелёные – и свет с улицы, проникая сквозь них, играл в пыльном холодном воздухе фантастическими яркими бликами.

– Вот те раз! – не удержался даже тёртый Рашид. – Это что за советская красота?

Роман с жадностью обозревал её сквозь защитное стекло маски, задрал голову, на сколько позволяли крепления. Его кольнуло дежавю. Словно он, как в детстве, смотрит на солнце сквозь осколки бутылочного стекла. Расцветенные слои воздуха кружатся вокруг него, перемешиваясь и посверкивая то ли плотной пылевой взвесью, то ли иными примесями, каковых, впрочем, согласно анализатору, было не так уж много.

Что-то тихо шикнуло в маске. Роман рефлекторно дёрнул руку вверх, но его вдруг повело. Цветные блики колыхнулись, закручиваясь спиралью, и в глазах стало быстро темнеть. Парень пошатнулся, тряхнул головой.

Всё исчезло. И не так, как это бывает после головокружения, когда голова болит, а в ушах остаётся звон. Всё ушло совсем, и перед Романом опять была только цветовая мозаика, а не мистическая круговерть света, увлекающая за собой.

Парень украдкой оглянулся: «Рашид не заметил?» Похоже, что нет. Он и не смотрел на Романа, так что можно было не опасаться – назад не отправит (была у старшего по опыту спасателя и такая сила). А тут как раз из коридора справа вышли Даня с Кириллом и тоже уставились на витраж.

– Красиво, красиво... – пробурчал в маску Роман. – Никого не нашли?

– Не, – отозвался Кирилл. – Может, у первых что?

А ведь первая группа спасателей так и не появилась перед волшебным витражом. Роман снял с пояса рацию и нажал на вызов.

– Витя, приём!

Но рация отозвалась только трескучей статикой.

Он повторил попытку. Потом переключился на командира.

– Они в подвале, – рассеянно бросил тот. – Там не ловит.

– Подвал? Какой подвал? Приём!

– Да там... На входе слева... Отбой.

«Значит проглядел я подвал...» – с досадой подумал Роман.

– Все за мной! – скомандовал он, и четвёрка двинулась по левому коридору.

Дверь подвала оказалась выбита – болталась на одной петле. А рядом валялась какая-то белая пластмасса. Не похоже, что вынос двери был работой аккуратных Вити с Колей. Да и шума в этих гулких коридорах вроде бы не слышалось.

«Что ж, возможно, мы уже близко к цели».

– Вить, приём! Где вы? – громко позвал Рашид, по привычке нажав на вызов.

Ни звука. Только эхо от голых стен. Группа побежала вперёд, роняя себе под ноги дрожащие лучи фонарей.

Сбоку была оцинкованная дверь, а дальше коридор уходил в черноту. Роман быстро скомандовал:

– Даня, прямо! Рашид, за мной! – и толкнул приоткрытую дверь.

Прошло, наверное, больше часа. Попыток выломать дверь я не предпринимал, хоть возможность, безусловно, была. Но я ещё не созрел до того, чтобы пойти по головам здешних обитателей. Да и, пожалуй, не стоило переоценивать свои силы, вспоминая разъярённую бабку и толпу бомжей. Снова без толку проверив телефон, я понял, что мне надо отлить, и, раз ничего

другого не осталось, отошёл в противоположный угол, чтобы не сидеть потом в собственной луже. Когда я уже начал своё «мокрое дело», вдруг услышал за спиной стук. Нервно дёрнувшись, я оглянулся и незапланированно сильно облил стену. А увидев, что происходит, так рванул молнию ширинки, что прищемил всё что можно.

Крышка гроба приподнялась, как-то нерешительно сдвинулась, вновь опустилась, а затем с шорохом поехала вбок.

«Как там было в страшилке? Мальчик залез под стулья, и его не нашли?»

Крышка с грохотом свалилась мне под ноги, и из гроба поднялся, садясь в нём, абсолютно голый мужик.

«Это он! Тот бомж с костяной дубиной!»

Не знаю, как я узнал его – наверное, по клочковатой чёрной бороде. Вот только теперь он ничуть не походил на обычного бомжа – пусть и запущенного, но живого человека. Нет, сейчас он полностью соответствовал своему ложу: его тело было абсолютно серым, каким-то рыхлым и пористым – словно покрытым пеплом, и совершенно иссушенным, с чётко выступившим барельефом костей. Вокруг суставов кожа сморщилась и неестественно обвисла, словно сильно растянутые кузнечные меха.

«Милая парочка они с бабкой!» – пронеслась в мозгу шизоидная мысль.

Зловещая фигура медленно повернулась в гробу и неуклюже перекинула ногу через его край. Под весом тела гроб качнулся, грозя опрокинуться, но оживший труп неожиданно лихо спружинился и спрыгнул на пол. На меня уставились мутные, подёрнутые белой плёнкой глаза. Я попятился и упёрся в соседнюю стену, как-то сумев шмыгнуть вбок.

Это тело не кричало, как бабка, а просто методично бросалось, широко загребая руками, не меняя сосредоточенно-каменного выражения лица. Удивительно, но я успевал уклоняться, ускользая в последний момент, перелетая от стены к стене, врезаясь в них плечами, отталкиваясь, разворачиваясь и бросаясь вбок. Оказавшись отгороженным от противника табуретками, я пнул гроб в торец.

Гроб ударил мертвеца в пах, но это не вызвало ожидаемого эффекта. Мумия осела на пол, но тут же вскочила на ноги, легко сбросив с себя деревянный ящик. А я успел наклониться и схватить по табурету в обе руки, крепко сжав угловатые ножки и выставив их сиденьями вперёд, как щит. Слегка помешкав, мертвец сделал широченный шаг, легко переступив через гроб с крышкой, и вновь кинулся на меня. Решив больше не церемониться, я оставил один табурет для защиты и, качественно замахнувшись вторым, со всей дури долбанул труп по башке.

Снести её с плеч я не смог, даже с ног мертвеца не сбил. Но «неизгладимый след» всё-таки оставил: кожа на его щеке содралась, показав месиво вялых, бледных, словно вываренных мышц. Труп скособочился и замотал головой, словно «перезагружаясь», а потом опять метнулся вперёд, вырвав у меня табурет и разбив его в щепки об стену. Из всех сил я вцепился в другую и нацелил его на врага.

Продолжения ждать не пришлось. Тело тут же схватило сиденье и дёрнуло его на себя, да с такой силой, что я лишь чудом успел выставить вперёд ногу, чтобы не упасть. Отчаянно потянув табурет обратно, я повис на нём всем своим весом, не желая расставаться с последним оружием и надеясь вывести врага из равновесия.

Только не вышло: мертвец вытянул вторую руку, надавил на мой щит и резко толкнул, выбив землю у меня из-под ног. Я упал на одно колено, тоже изо всех сил навалившись на табурет, борясь с чудовищным давлением сверху. Буравя меня глазами, мертвец шагнул ещё ближе, надавливая сильнее. Не выдержав, я рухнул назад, больно подвернув ногу и шкрябнувшись затылком об косяк. В голове зазвенело. Я криво сполз на пол. Чудовище нависло надо мной, продолжая давить. Ножки табурета больно врезались мне в грудь, и дыхание перехватило. В глазах потемнело. Я начал терять сознание в ореоле ужасной вони тухлого мяса, под взглядом титанически спокойных глаз.

«Вот и конец...»

Вдруг что-то оглушительно звякнуло, свет погас. Давление на грудь прекратилось, и каким-то седьмым чувством я понял, что в комнате совершенно один. Судорожно вздохнув, я выпустил из рук табурет, ставший теперь невесомым, дрожащей ладонью нашупал пол, оттолкнулся от него и сел. Всё ещё не решаясь расстаться со своим оружием, я с сомнением потрогал затылок, обнаружив там огромную шишку и влажную щипучую ссадину. Перекатившись на корточки, я поднялся и стал озираться во тьме. Хотел достать телефон и попробовать его включить, но тут раздались щелчки замка. Я вскочил на ноги, готовый защищаться.

Ничего страшного не произошло: в комнате было также темно, дверь не распахнулась. Я замер, прислушиваясь. Казалось, снаружи стоит абсолютная тишина: ни шагов, ни шорохов, ни звуков дыхания. Было отчётливо слышно, как с характерным проволочным бдзыньканьем корчится в последних муках умирающая лампа. Немного подождав, я осторожно вытянул руки, нашупал щель между дверью и косяком, подковырнул её пальцами и потянул на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.